

ФИНКА

Борис Грань

РОМАН О ЛЮДЯХ И ТИШИНЕ

Борис Грань

Финка

<https://litres.ru/74606269>

SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого города есть дом, в котором что-то случилось. В панельке на улице Мира за семь минут до трагедии знали: в сорок пятой квартире неладно. Слесарь Вадим молчит, глядя на чужие мужские ботинки в прихожей. Его жена Марина, зомбированная глянцем и обещаниями «другой жизни», считает доллары, готовясь к побегу в Америку.

Но чужая жадность входит в дом с чёрного хода. Это история не о маньяке в плаще, а о тихом предательстве, мороке чужих денег и финском ноже, который стал единственным выходом из молчания.

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗОЛОТЫЕ РУКИ	9
Глава 1. Под грузовиком	9
Глава 2. Автопарк	13
Глава 3. Пашка	17
Глава 4. Шабашка	20
Глава 5. Снабженец	23
Глава 6. Шуба	26
Глава 7. Попутчики	28
Глава 8. Друг мужа по цеху	30
Глава 9. Манхэттен	33
Глава 10. Письмо из Нью-Джерси	35
Глава 11. Считаем	38
Глава 12. Свет в три часа ночи	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Борис Грань

Финка

Повесть о том, как чужая жадность входит в дом с чёрного
хода

Пролог

У каждого города есть дом, в котором что-то случилось.

В нашем — это панельная пятиэтажка на улице Мира, зелёный подъезд, четвёртый этаж. Дом как дом: над дверью лампочка с разбитым плафоном, у подъезда скамейка, на скамейке всегда кто-нибудь сидит. Тридцать лет в нём жили обычные люди — вахтёрши, слесари, учительницы, продавщицы, и ничего здесь не происходило, кроме того, что происходит всюду: рожали, женились, ссорились, копили на мебель, хоронили стариков, выпивали на праздники.

А потом случилось. За семь минут, с одиннадцати двадцати до половины двенадцатого, дом стал известен на всю область. Двор заполнили машины, у подъезда размотали ленту, жильцов попросили не выходить на лестницу: тут работали эксперты, фотограф, следователь из области в новом пальто. Кто-то в окне третьего этажа снимал на мыльницу, а потом продал кадр в газету, и в газете, через десять дней, во второй полосе, мелким шрифтом написали: «Судьба — финка».

И вот что странно: никто из соседей не удивился.

Потому что весь дом знал, что в сорок пятой что-то нелад-

но. Что там бывает шумно по ночам. Что у той женщины гости, о которых не говорят мужу. Что муж её, слесарь, который отродясь ни на кого голоса не повышал, стал в последний год худой, жёлтый и молчит так, что страшно. Что о ней в подъезде спорили и делились. Половина осуждала, половина завидовала: у неё шуба, у неё деньги, у неё, видно, есть человек, который ей помогает.

Весь дом знал. И весь дом молчал.

Молчала соседка из сорок третьей, стоявшая той ночью в трёх шагах с бутылкой кефира и слышавшая крик. Молчал участковый, которому на неё намекали. Молчали муж с женой, у которых один разговор был «потом поговорим». Молчали сторож и тот, кому было поручено оформить отказ от квартиры. Молчал дежурный райотдела, который сказал: «Утром приходи».

И только один человек не промолчал. Только один: бесшабашный, без одного зуба и с гулким раскатистым смехом. Тот, кто жил рядом и двадцать лет был у слесаря единственным другом. Тот, кто за несколько часов до этого сказал ему: «Ты или делай что-нибудь, или уходи. Молчать — это не дело». И кто потом вызвал милицию.

Он был в этом доме единственным, кто успел.

Я должен предупредить читателя: в этой повести не будет ни злодея в чёрном плаще, ни следователя, который всех спасёт, ни слез примирения в финале. Будут люди — почти все хорошие, почти все с объяснениями, у каждого своё «я не хотел» и своё «а что я мог». Будут слова, которые сказали не подумав. И будут слова, которые не сказали, потому что думали — обойдётся.

Мы проследим всё это по порядку — от того дня, когда в доме в первый раз появился гляцевый журнал с фотографией ночного города. По крупице: как это зрело в человеке, в комнате, в подъезде, в целой улице. Как бывает так, что самое большое дело в жизни начинается с самой маленькой мелочи — с одного взгляда к витрине, с одной коробки в кладовке, с одной строчки в календаре.

И к этой последней строчке мы еще придем.

Хочешь — знай заранее: там написано «два дня». Не отъезд. Не чемодан. Срок. Срок, когда к человеку придут.

И ещё одно. Я пишу не по памяти и не по слухам. Я держу перед собой папку, тонкую, серую, с картонной обложкой, и в ней лежит всё: протоколы, показания, справки из больницы, объяснение мужа от седьмого мая и почему-то — сло-

женное вчетверо — кухонное полотенце с красной смородиной по краю. Его подшили отдельно, как вещь. Так подшивают только то, что уже нельзя отменить.

Если бы я не открывал эту папку — я бы никогда не поверил, что из-за такого небольшого куса жизни происходит столько горя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Глава 1. Под грузовиком

Зима стояла та, о которой потом говорят: «А помнишь, как в восемьдесят девятом?» — злая, синяя, с ветром из-за угла, от которого стыло в глазах.

Автопарк просыпался в шесть. Сначала кашлял дизелем «бычок», потом тянуло морозной гарью, потом из углового бокса выходил мужик с фонарём и в комбинезоне — Вадим.

Ему было тридцать два. Лицо у него было широкое, подмороженное, с короткой щетинкой. Плечи — такие, что пуховик на них сидел не как одежда, а как чехол на вещи, которую делали на совесть. Руки в трещинах, в мазуте.

Он подошёл к ГАЗону, на котором вчера гоняли в область и вернули с горящим «проводом». Потоптался. Стукнул ладонью по капоту, будто спросил: живой?

Капот ответил глухо: терпит.

Он открыл, заглянул внутрь. Там было чёрно, тесно, честно. Там пахло железом, бензином и старым войлоком — тем самым запахом, от которого у мужиков этого двора теплело в груди, а бабам становилось тоскливо.

— Ну что, — сказал Вадим негромко, — свечи, вы меня слышите?

Свечи не слышали. Он всё равно с ними поговорил.

Потом он отвёрнул гайку, снял клемму, и по его лицу прошла короткая тень удовольствия — та, что бывает у мастера, нашедшего в чужой беде рукотворную, отчётливую причину. Причина радовала. Причины он любил. Это жизнь была без причины, а железо всегда с причиной.

— Вадим! — крикнули с эстакады. — Вадим, у тебя там есть ключ на десятку?

— Есть.

— Дай.

Он дал. В этом дворе давали всё: ключ, поллитру, кусок хлеба, прикурить, спину подставить. Не от доброты, а по той простой вере, что здесь все свои, и в мороз одному не вы-

жить.

В углу бокса, под лампой на проволоке, стоял Пашка и стучал по батарее, выбивая наледь. Пашка пришёл сюда месяц назад, никто не спрашивал откуда. Знали только, что в армии служили вместе.

Они служили в восемьдесят седьмом. Кантемировская, зимой, за окнами — рыжий снег. Тогда на всю батарею была бочка кипятка и один сломанный титан; тогда же была и драка с «дедами» — не за себя, за Витю, который потом погиб. А ещё раньше, в апреле, на учениях загорелась машина. Она горела, как факел, вся разом, и Пашка вытащил Вадима из кабины. Вытащил и ругался потом два дня, что кожа на руках долго не заживает.

Об этом в автопарке знал один только сторож — тот, что по ночам пил портвейн и всё стоял у окна. Остальным было неинтересно. Остальным интересно было то, что с этим мужиком можно везти любой груз и не бояться, что тот сломается в дороге.

К обеденному перерыву Вадим закончил. ГАЗон завёлся с первого раза, с тем особым плотным рокотом, который отмечают в деревне как праздник.

Он вытер лицо. Лицо стало ещё темнее. Из кармана ком-

бинезона он достал пачку сигарет, закурил молча, и вытирая ветошью руки, смотрел вдаль, на пустую дорогу, на которую тихо падал снег.

А в это же время, в двух остановках отсюда, в двухкомнатной квартире на четвёртом этаже, его жена Марина, двадцати девяти лет, стояла перед зеркалом и, закрепив заколкой прядь, примеряла к щеке серьгу с рубиновым стеклом. Серьга была новая, дешёвая, и она улыбалась ей, как улыбаются чужим комплиментам — с удовольствием и без веры. У неё были красивые скулы и тот печальный, жадный взгляд, который не обещал ничего, кроме беспокойства.

Она ещё не знала, чем кончится этот день. Но, если бы ей сказали, что где-то в этом городе, засыпанном снегом, есть мужчина, который смотрит в холодное окно и думает о ней, она бы не удивилась.

Она сама в это время думала не о муже. Она думала о том, что зима длинная, а шуба — короткая.

Глава 2. Автопарк

Автопарк был маленьким государством. Со своей границей — бетонным забором, со своей казной — лимитом на бензин, со своей дипломатией — «достань, и я тебе потом».

Очередь на подъёмник выстраивалась с утра. Директор, Пал Егорыч, в очках на шнурке, обходил бокс и говорил серьёзным голосом, как человек, которому нравится говорить серьёзным голосом: «План! План, товарищи, а не станция техобслуживания!»

Плана не было никогда.

Вадим не любил ни Пал Егорыча, ни план, но любил эту дворовую арифметику: если поставить «бычок» на четвёртый пост и не трогать до вечера, к вечеру у тебя будет час свободного времени и две чужие благодарности. Он жил этими часами. В эти часы он мог уехать в свой гараж. Деревянный, в двух кварталах, и там делать своё.

Люди в автопарке делились на две породы. Одни любили работу, другие — трепаться о работе. Вадим принадлежал к первым. Когда работы не было, он терял спокойствие. Руки требовали работы так же, как тело требует сна.

Он никогда не мог объяснить этого людям. Каждый раз,

когда его просили рассказать, он пожимал плечами и говорил: «Нравится». И в этом «нравится» было всё.

В этот день к нему подошёл Султан. Водитель с четвёртой колонны, брат которого держал кафе «Мельница» в центре.

— Слушай, Вадюх. Ты в выходные занят?

— А что?

— Ремонт у одного человека. Карел, мебельщик. Машина у него есть, «пятёрка». Сам он не разбирается. Платит хорошо.

Вадим вытер руки о ветошь, посмотрел на этого Султана внимательно — и сказал:

— Сколько?

Он сказал это коротко и без стыда. В этом городе говорить «сколько» не стыдно было уже давно. Стыдно было не спросить.

Султан назвал цифру. Цифра была такая, что в автопарке за неё работали месяц.

— В субботу, — сказал Вадим, и в его спокойном лице что-то дрогнуло, как дрожит картинка в воде.

Он даже не подумал, зачем ему эти деньги. Он не думал о деньгах вообще. Он думал о том, что у него опять будет в руках живое, настоящее дело — и он опять почувствует себя на своем месте.

Про деньги думала Марина. Она думала о них всё время — утром, за окном, в очередях, в гостях, в чужом запахе чужих духов. Она не была жадной. Она была голодной. В ней жила дурная, нетерпеливая, горячая тоска по другому — по другой витрине, по другой жизни, по другому городу, где всё блестит, и пирожные пахнут ванилью.

Вадим принёс домой эти деньги в пятницу. Он положил их на стол — серые, тёплые, пахнувшие ладонью, — и сказал:

— Шабашка.

Марина пересчитала их дважды. Она пересчитывала их медленно, аккуратно, как пересчитывают чужие долги. Потом подняла на мужа глаза.

И сказала одно слово:

— Ещё.

Он засмеялся. Он не понял. И никогда не понимал этого слова.

Глава 3. Пашка

Пашка появился в автопарке в конце ноября, пришёл на место уволенного Углова, и сразу заявил о себе громко: подрался с кладовщиком из-за куртки, которую тот хотел отдать в стирку, а Пашка не отдал.

— Она моя, — сказал он. — Не отдам.

Никто не стал спорить. В этом дворе с такими людьми не спорят — с ними договариваются один раз и на всю жизнь.

Пашка был высокий, худой, с бледным, всегда будто чуть усталым лицом. Он совсем не походил на силача. Он любил разноцветные спецовки, курил на корточках и говорил редко, коротко, и всегда так, что после его слов нечего было добавить.

Позже, в феврале, они вместе гнали колонну до области. И вот там, на тракте, в снежной пыли, у обоих открылось не то, что они прятали от людей, а то, что прятали от себя.

— А помнишь, как горела машина под Шепетовкой?

Пашка затянулся и долго держал дым.

— Не помню.

— Врёшь.

— Вру, — легко согласился Пашка, и они больше об этом не говорили.

В этом «вру» было столько нежности, сколько в иных объяснениях не бывает.

У них был один общий язык — язык железа, и он делал своё дело. Когда Гиви, грузный, громкий, с перстнем на мизинце, приходил в бокс и просил Вадима «глянуть» свою машину, Пашка выходил на площадку, садился на кирпич и смотрел в небо, чтобы никто не видел, как ему не нравится этот человек. Он не умел терпеть плохих людей, но умел молчать об этом.

Осенью, когда над городом уже третий день ползли низкие, бесконечные тучи, у боксов собрались мужики — пили горячий чай из большого термоса, курили, говорили про Сталина, про футбол, про то, кто едет в Иркутск, и про то, что дочка Пал Егорыча замуж вышла за инженера из Ульяновска.

Вадим слушал молча и думал о доме. О том, что в квартире у него — натяжной потолок, который он сделал сам из гипсокартона, и что Марина давно уже хочет вместо этого другой. Об этом он думал чаще, чем следовало. Он не знал, что в эти же минуты Марина у себя, в халате, с косметической маской на лице, писала кому-то открытку — и ставила на ней точку с нажимом.

Он не знал, потому что не умел подозревать. Этому его не научили.

Глава 4. Шабашка

Первый свой настоящий заказ — ремонт мебельной «пятёрки» — Вадим выполнил в гараже у Карела за один вечер и половину ночи.

Там пахло опилками и клеем. Карел, маленький человек с длинными волосами, суетился рядом, подавал ключ и всё спрашивал: «А это ты правда сам?» — как спрашивают детей, которые впервые сделали что-то настоящее.

К полуночи машина стояла в гараже, тихая, чистая, как новобранная. Карел рассчитался — отсчитал на верстаке, положил сверху бутылку, потому что не знал, как иначе.

— Приходи, — сказал он на прощание. — К тебе будет очередь.

Так и получилось.

Через месяц к Вадиму приходили уже по записи. Через два — на него удивлялись: «Это тот, который девятый вал?» — «Тот». Через три у него в гараже висела общая тетрадь с расписанными днями и цифрами — не потому, что он любил писанину, а потому, что в тетради был порядок.

Деньги пошли. Не то чтобы большие, но в этом городе, где зарплату задерживали три месяца, любые деньги казались большими. Они лежали на столе вечером, пахли гаражом, и вокруг них быстро выстраивалась жизнь: Марина хотела стены, Вадим — верстак, дети хотели апельсины.

Однажды вечером, когда они считали деньги у окна, — Марина сказала:

— Вадик.

— Что?

— Если так пойдёт, мы можем уехать.

— Куда?

Она не ответила сразу. Она посмотрела в окно, где внизу, под фонарём, стояла машина и человек возился с капотом, и сказала:

— Никуда. Просто мы можем.

Вадим не понял и обнял её. Он не умел не обнимать, он был из тех людей, которые показывают любовь руками, а не

словами. Он обнял её, и она прижалась к нему, и они стояли так долго, и в этом объятии была вся их жизнь — нежность без разговора, дом без плана, любовь без вопросов.

Он не знал, что в эту самую минуту она уже начала считать. Не деньги. Его.

Глава 5. Снабженец

Гиви приехал в автопарк в конце марта, когда снег уже сошёл, асфальт был мокрый и чёрный, а на заборах висели объявления о продаже гаражей.

Он был грузный — не толстый, а именно грузный, как бывают грузны люди, у которых слишком много всего: слишком много денег в барсетке, слишком много слов в разговоре, слишком много перстней на пальцах. Он приехал на белой «Волге», вышел не спеша и первый, кого спросил, был Вадим.

— Кто у вас тут руки?

Так спрашивают не мастера, а инструмент. Вадим услышал это в первый раз и в последний раз не заметил.

— Я.

— Гиви. — Он протянул руку. — Мне сказали — золотые. Посмотреть приехал.

Машина у Гиви была хорошая, чистая, ухоженная. Механизм у неё, однако, был уставший — детонация, стук на хо-

лодную, тряска на холостых. Вадим залез под капот, повозился полчаса, выпрямился, вытер руки и сказал негромко:

— Ты в неё бензин нормальный заливаешь?

Гиви удивился — не вопросу, а тону.

— А что?

— А то, что мотор тебе спасибо не скажет.

Гиви захохотал — громко, весело, от души, будто ему показали фокус. В этом хохотании было больше правды о нём, чем в любой из его бумаг: он любил людей, которые не бо-
ятся.

Через неделю он позвал Вадима к себе — «поговорить о деле». Разговор был в кабинете, за столом, под плакатом с видом гор, и в этом разговоре было всё то, о чём Вадим никогда не думал: контракты, поставки, расчёты, «люди», «схема», «откат».

— Слесарь — это работа, — сказал Гиви, крутя ручку в стакане. — А снабженец — это хлеб. Ты мужик неглупый, руки у тебя золотые, но руками ты заработаешь на «Запорожец». А головой — на квартиру.

Вадим молчал. Он всегда молчал, когда решал.

— Я тебя не заставляю, — сказал Гиви. — Ты подумай. Месяц. Два. А потом приходи.

Он пришёл через две недели.

Так заканчивалась одна жизнь и начиналась другая, и в ней ничего не было плохого: он не крал, он не подставлял, он возил, договаривался, находил, оформлял. Он только делал то, что ему говорили, — а за это в те годы платили очень хорошо. Хорошо, что он не понимал: деньги не всегда бывают чистыми. Он думал: я честно работаю. И в это почти верил.

А дома появились камин — электрический, с плексиглазом, — сервиз, духи, которые Марина стала называть «мои». Всё это покупалось не для себя, а чтобы «как у людей». Марина ставила на полке новую вещь, снимала с неё упаковку и потом долго смотрела, как вещь стоит, — так смотрят на чужие подарки.

Их сближение тем летом было сближением через деньги. Они пересчитывали купюры вечером, при закрытой двери. И в этом было что-то от сговора, только Вадим думал, что это навсегда, а это было до поры-до времени.

Глава 6. Шуба

Зимой, в конце декабря, Вадим привёз домой шубу.

Она была не купленная — взятая: у одного человека, который задолжал Гиви и расплатился вещами. Шуба была тяжёлая, бархатистая, с воротником из чего-то тёмного и мягкого, и пахла не духами, а дорогой кожей и почему-то лесом.

Марина вытащила её из упаковки и замолчала.

Долго не было сказано ни слова. Потом она подняла глаза, и Вадим впервые за много лет увидел в них то, что видел когда-то в день свадьбы, — жадное, тёплое, детское счастье.

— Это мне?

— Тебе.

Она примерила её перед зеркалом. Ходила по комнате, поднимала воротник, опускала, поднимала. Повернулась на пятке. Засмеялась — громко, легко, молодо.

— Вадик, я в ней как барыня.

Он стоял у двери, в помятом свитере и смотрел на неё. Он в это мгновение был счастлив ровно так, как счастлив человек, который умеет давать и не умеет говорить. Ему казалось, что если жена смеётся, значит, всё в порядке, а если в порядке — то зачем что-то выяснять.

Это и был договор их жизни: он приносит — она принимает. Договор, в котором двое не были парой.

Шуба висела в шкафу всю зиму. Весной Марина стала носить её на выход — в гости, в кино, по улице. Она надевала её как титул.

Позже, много позже, уже после, в шкафу этой квартиры шубу найдут следователи и занесут в опись как «изделие меховое, ориентировочная стоимость...». Стоимость попробует определить эксперт и не сможет. Он напишет: «значительная». Это будет самое точное слово, произнесённое об этой семье.

Глава 7. Попутчики

К весне Марина стала уезжать.

Сначала — на день к матери. Потом — на три. Потом — «к Людке в область, у неё ремонт, я помогаю». Вадим не проверял. Он был из тех, кому стыдно проверять: проверка для него была равна признанию, что в его доме что-то не так, а сказать себе такую вещь он не мог.

Поезда в те годы шли медленно, с дребезгом, с коричневыми сиденьями из дермантина. В этих поездах Марина разговаривала с людьми — легко, свободно, с тем женским блеском, который не требует ни ума, ни доброты, ни верности, а требует только отклика.

Попутчик был всегда. Сначала — молодой лейтенант, ехавший от отпуска. Он поил её чаем из термоса и рассказывал про Север. Она слушала. Ей было приятно не то, что он говорил, а то, как он на неё смотрел: как на женщину, а не как на «жену Вадима».

Потом — водитель междугороднего автобуса, весёлый и пустой.

Потом — учитель музыки, который вез домой подаренный рояль, а по дороге, в Пензе, пригласил Марину послушать, «как он играет Рахманинова». Он играл плохо. Она всё равно осталась.

В этом городе и в те годы таких историй было много — слишком много, чтобы считать их исключением. Просто Марина была одна из тех, кому скучно в жизни не потому, что жизнь плохая, а потому что она чужая.

Позже, в последствии, все удивятся — не поступкам, а тому, что она была уверена, что всё это ей сойдёт. И это будет правдой: ей сходило очень долго. Сходило годами.

Глава 8. Друг мужа по цеху

Одна измена случилась прямо в их квартире, в июле, когда Вадим был в командировке — возил партию в Череповец на четыре дня.

Он позвонил вечером из автомата. Трубку подняли не сразу.

— Алло?

— Мариш, это я.

— Ой. Ты. — Голос был чуть быстрее, чем обычно. — Как ты?

— Нормально. Ты как?

— Тоже... нормально. Я тут уставшая.

— Что делаешь?

Пауза — на всю катушку, на целую жизнь, — три секунды.

— Ничего. Стираю.

Он сказал, что вернётся в четверг. Она сказала: «Хорошо». Он положил трубку и пошёл в гостиницу, курить на балкон, где пахло заводом и остывшим металлом.

Дома он вернулся в четверг вечером. Всё было убрано, аккуратно, чисто. Пахло чистым бельём и ванилью — тогда он впервые это запомнил, но не понял. В прихожей стояли чьи-то ботинки — мужские, сорок третьего размера, аккуратные, — и он их увидел.

— Это чьи?

Марина вышла из кухни. Посмотрела. Сказала, не моргнув:

— Людкиного мужа. Он приходил починить кран. У нас же кран тёк.

Кран у них не тёк никогда. Вадим стоял в прихожей и смотрел на эти ботинки, и в его теле проходило то, что он потом всю жизнь не мог описать словами: не ярость, ни злоба, ни даже обида — а холод, приходящий откуда-то снизу, из самого живота, вместе с пониманием, что дом — уже не дом.

Он снял пуховик, повесил, прошёл на кухню, сел, попросил чай.

И промолчал.

Той ночью он не спал. Лежал лицом к стене, слушал дыхание жены и думал не о ботинках, а о другом: «Если я сейчас скажу — это конец. А если не скажу — конец только мой». И он выбрал второе. Так поступили бы многие. Так поступил он.

Это молчание потом окажется важнее всех шуб, всей шабашки, всех чужих гостей. Именно отсюда, из-за этих ботинок, из этой ночи, начнётся то, что будет через два года. И ни один человек в этом городе не запомнит сорок третий размер. Запомнят только нож.

Глава 9. Манхэттен

Осенью Марина увидела журнал.

Он лежал на витрине киоска — глянцевый, в плёнке, с фотографией ночного Нью-Йорка: чёрная вода, чёрное небо, и огни, огни, огни — плотные, острые, живые. Она купила его без повода. Дома сняла плёнку и долго смотрела, сидя на табурете, на том самом, что потом опрокинется в коридоре.

Потом закрыла и положила в шкаф. Через день снова достала. Через три дня нашел его Вадим — журнал лежал на столе, открытый на середине.

— Красиво, — сказал он.

— Вадик.

— Что?

— Почему мы здесь, а не там?

Он ответил сразу, не задумавшись:

— А что там?

— Там всё, — сказала Марина. — Там работа, там деньги, там люди другие. Там всё есть.

Он посмотрел в окно, где на площадке дети катались на санках с портфелями на спуске, и сказал:

— А тут?

Она не ответила. Она отвернулась. И в этом отвороте была вся её правда, которую словами она ещё не умела, но уже почти знала.

Потом она ещё раз — это было уже глубокой ночью — включила свет на кухне, чтобы лучше рассмотреть глянцевые страницы. И в этом свете, у окна, в халате, она стояла так долго, что Вадим, проснувшись, тоже пришёл и встал за дверью.

Он ничего не сказал. Он смотрел на её затылок, на её плечи, на её руки, которые гладили бумагу, — и понимал, что она уже где-то не здесь.

Потом он вернулся в постель и лежал с открытыми глазами до рассвета. В душе ничего не происходило. Там было пусто.

Глава 10. Письмо из Нью-Джерси

Письмо пришло в начале ноября — толстый конверт с иностранными марками, с обратным адресом, где стояло длинное и странное название: Нью-Джерси.

Марина вскрыла его кухонным ножом, а не пальцем, — аккуратно вскрывала как что-то важное, что нужно будет сохранить.

Писал брат, Сергей. Сергей был старше её на семь лет — спортсмен, метатель молота, в далёкие годы уехал на сборы, потом женился, потом остался. С фотографий на неё смотрел человек, которого она помнила по-другому: с налитым лицом, в коже, с усами.

«Здравствуй, сестра.

У нас тут всё нормально, дом свой, работа при клинике, дети в школе, английский у обоих как родной. Тебе пишу потому, что вижу — у вас там, у вас нечего делать. Не обижайся, я знаю, что говорю. Здесь не звёзд не хватает, а рук — двух. У мужа руки? Напиши. Если руки — приезжайте.

Только сразу: тут не рай. Тут работать надо. Но платят за

работу. У вас там платят за терпение, а не за работу. У нас — за работу.

Если решишь, я помогу. Дом пока не покупайте, а приезжайте. Всё остальное купится потом.

Сергей».

Марина прочитала письмо трижды. Первый раз — быстро, второй — вслух, третий — про себя, медленно, по буквам, как читают то, что наконец объясняет всю твою жизнь.

Она нашла мужа вечером, у телевизора, где шёл футбол.

— Прочитай.

Он прочитал. Положил лист на колено. Посмотрел в телевизор, где мелькали чужие люди, и сказал:

— Долго.

Она поняла это слово по-своему. Он сказал «долго» про письмо, про текст, про чтение, а она услышала «долго» про ожидание, про терпение, — и, как всегда бывает, каждый услышал в одном слове себя.

— Значит, — сказала она, — можно?

Он не ответил. Он смотрел футбол, и по его лицу невозможно было понять ничего.

Он не думал об Америке. Он думал о том, что у него дома дети, гараж, верстак, о том, что он уже двое суток кашляет по ночам, и в груди у него сидит что-то маленькое и острое, как заноза. Он подумал: «Надо съездить к врачу». И не поехал. У него не было на это ни времени, ни привычки.

Глава 11. Считаем

В декабре в квартире появились чужие люди.

Сначала пришёл оценщик — мужчина в рыжем пальто, с портфелем, — ходил по комнатам и что-то помечал в блокноте. Потом риэлтор, женщина с журналом объявлений в руке, сказала: «Квартира ваша? Значит, продать — это не проблема. Проблема — найти вам другую, но с вами я тоже справлюсь».

Потом пришёл человек по мебели, которому всё это нужно было оценить «на вывоз» — недорого, за наличные, «по-свойски».

Марина села за стол, положила блокнот. На его обложке она вывела крупно: «Всё».

Квартира — цифра. Машина «шестёрка» — цифра. Мебель, гарнитур, телевизор, холодильник, сервиз — цифра. Она складывала аккуратно, столбиком, как складывают деньги в сберкассе. Наверху выходило то, что она потом назвала «жизнь в Америке».

— Три тысячи шестьсот, — сказала она однажды мужу.

— Долларами.

Он молчал.

— Мало?

— Хватит, — сказал он тихо.

Она не поняла. Она подумала, что он согласен.

Он не соглашался. Он думал: «У неё в голове — страна. У меня в голове — сын и дом. И никогда эти две страны не сойдутся».

Позже, когда всё будет позади и он будет сидеть один в гараже, он вспомнит этот разговор и поймёт, что это была последняя точка, где можно было свернуть. После неё уже не было развилки — была только прямая, и на этой прямой через два года стояли двое чужих мужчин и финка.

Глава 12. Свет в три часа ночи

Ночь на пятнадцатое. Три часа.

Вадим проснулся от того, что в кухне горел свет. Он не сразу понял. Оделся, вышел.

Марина сидела за столом, в халате, перед ней лежал журнал и лист бумаги, а на листе были выписаны колонкой цифры и названия городов: Чикаго — Миннеаполис — Нью-Джерси. Она писала. Она не слышала его.

Он встал в дверях.

Она сказала, не поднимая головы:

— Сядь. Я всё посчитала.

Он сел.

И тогда она стала говорить. Она говорила долго — сорок минут, может больше. Она говорила не жалобно и не жарко, а ровно, как читают вслух инструкцию. Она объясняла: продадим квартиру, продадим машину, продадим мебель, поедem в Нью-Джерси, Серёжа поможет, ты там откроешь ма-

стерскую, или фирму, или что угодно, у тебя руки, у тебя голова, там таких ценят. Я буду помогать, я всё буду делать, ты только скажи “да”.

Он слушал.

Он не перебил её ни разу. Он смотрел на её руки, на её лицо — оживлённое, молодое, совсем не то лицо, которое он видел в последние два года, — и думал о том, что оно вот такое и должно быть. Живое, настоящее, и что он, наверное, много лет назад перестал давать ей повод быть такой.

Он не знал, что сказать. Он хотел сказать, что никуда не поедет, что у него тут дети... но дети были у деда, и поездка к ним была как раз тем, чего он хотел больше всего. Он хотел сказать, что боится астмы, что ему плохо без синицы в форточке, что в гараже у него работа и друзья ... и это всё было мелко перед тем, что она говорила.

Он молчал. Он не сказал ни «да», ни «нет». Он только смотрел на неё и, когда она закончила и затихла, положил ладонь на стол — на её лист с цифрами, рядом, — и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.